

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 930.25(470.53)''1920–1950'':796.5

«ПРОЛЕТАРСКИЙ» ТУРИЗМ 1920-Х – СЕРЕДИНЫ 1950-Х ГГ. КАК СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Е. А. Оборина

Анализируется целевая аудитория, организационные формы и программные приоритеты «пролетарского туризма».

Ключевые слова: история туризма, «пролетарский» туризм, повседневность, сталинизм, советское общество, рабочий класс.

Пролетарский туризм, расцвет которого пришелся на эпоху сталинизма, был по своей сути уникальным явлением. Если на Западе туристическая деятельность соотносилась с такими синонимами, как «отдых» (rest), «расслабление» (relaxation), «удовольствие» (pleasure), то в Советском Союзе 1920–1950-х гг. туризм требовал от человека значительных усилий (труда, выдержки, сосредоточенности), направленных как на преобразование окружающей действительности, так и на изменение внутреннего мира самого участника туристических практик.

Эта особенность всецело была связана с реформаторскими амбициями большевистского режима. Природа туристической деятельности, развивавшейся в дореволюционное время по западной модели, в годы сталинизма подверглась кардинальной трансформации. Туристические практики превратились из увлекательного метода рекреации и познания в действенный механизм строительства нового общества.

Цель данной публикации заключается в том, чтобы привлечь внимание специалистов к изучению этого интереснейшего социального явления, обозначить основные этапы и формы его развития, направления дальнейшего изучения.

В годы НЭПа в СССР активно развивалось краеведение и внутренний экскурсионный туризм. Такая культурная практика, как экскурсии, требовала от участников выдержки и сосредоточенности, поскольку никакого отдыха подобные мероприятия не предполагали. В социалистическом государстве экскурсия в первую очередь означала труд и «готовность к определенной отдаче»¹, несмотря на то что экскурсоводы должны были учитывать «уровень развития своих слушателей, уметь в доступной их пониманию форме дать цельную и по возможности полную картину...»² В реальной практике информация выливалась на участников экскурсии сплошным потоком и порой была очень трудна для восприятия. К примеру, план 2-часовой пешей экскурсии по г. Перми, составленный в 1920-е гг. (точная дата создания документа не указана), предполагал посещение невероятного числа объектов. Среди них – панорамный вид с Городских гор (район современного Планетария), Петропавловская площадь, дом, в котором жил учитель Александра II Жуковский (здание Наместнического дворца, выходящее фасадом на Петропавловскую площадь, сгоревшее в пожаре 1842 г.), дом, где учился писатель-народник Решетников (бывший дом купца Попова – угол ул. Орджоникидзе, 15 и ул. 25-го Октября, 1), Дворец труда (ныне здание Пермской государственной сельскохозяйственной академии). Далее предполагалось знакомство со старым Гостиным двором (сегодня на этом месте сквер Пермского государственного академического театра оперы и балета им. П. И. Чайковского). Затем экскурсоводу следовало перейти к изложению истории театра с перечислением гастролеров, дать участникам экскурсии сведения из истории пароходства, железной дороги и закамского поселка (спуск к саду им. Решетникова), ознакомить их с историей и современным состоянием общественной библиотеки (здание Городской Думы), со зданиями городской милиции, политического управления и домом крестьянина, с помещением диспансера, редакцией газеты «Звезда», детским садом, «стильным зданием» клуба «Красной звезды», дворцом физкультуры, училищами (вверх по ул. Сибирской). Затем группа перемещалась к Сибирской заставе, Красному саду (сегодня – Центральный парк развлечений им. А. М. Горького). Затем экскурсия

плавно перетекала в знакомство с постановкой медицинского дела в г. Перми, продолжалась в Александровской больнице (ул. Пушкина, 85), бактериологическом институте (Краевая клиническая инфекционная больница по ул. Пушкина, 96), психиатрической лечебнице (Краевая психиатрическая больница № 1 по ул. Революции, 56)³. Далее экскурсантам предстоял поход в научный и художественный музеи на камском берегу⁴. Даже при сегодняшнем состоянии городского благоустройства и транспортной развязке эта двухчасовая экскурсия была бы настоящим спортивным испытанием для пешего туриста, что уж говорить о пермских горожанах 1920-х гг.

После такого «познавательного отдыха» необходимо было составить отчет о проделанной работе, поделиться своими впечатлениями с остальными рабочими, не попавшими на экскурсию. Таким образом, экскурсия хоть и не требовала от участников крепкого здоровья и не давала сильных физических нагрузок, однако действительно была очень трудоемким и утомительным мероприятием. В связи с этим рабочие предпочитали выбираться в экскурсионные поездки без семьи и уж тем более без детей.

В 1929 г. закончилось время, которое называют «золотым десятилетием» экскурсоведения и краеведения, началось наступление на экскурсионно-краеведческое движение. По существу движение было разгромлено. С 1929 по 1931 г. были репрессированы многие ученые-краеведы. Всё направление этой работы, названное «гробкопательством», было ликвидировано. Экскурсионно-туристская литература, выпущенная до 1921 г., подлежала пересмотру на предмет изыятия.

В конце 1920-х гг. туризм официально был объявлен пролетарским движением, т. к. в государстве диктатуры пролетариата основным обладателем прав на всевозможные преимущества социалистического строя должен был быть рабочий класс. Каждое действие туриста должно было нести пользу всему обществу. Даже в выходные дни и во время отпуска рабочего заставляли думать о выполнении плана пятилетки, об укреплении обороноспособности страны, повышении производительности труда, улучшении атмосферы на своем рабочем месте и ударной работе.

Тенденции к централизации во всех государственных сферах привели к изменению организационной системы туризма. До 1930 г. экскурсионная деятельность находилась в ведении органов народного просвещения: до ноября 1920 г. взрослыми экскурсиями ведал подотдел внешкольного образования Народного комиссариата просвещения, с ноября 1920 г. – экскурсионное бюро при Главном политико-просветительском комитете Наркомпроса, т. е. Главполитпросвете, с 1926 г. по 1928 г. – Объединенное экскурсионное бюро при Наркомпросе РСФСР, с 1928 г. по 1930 г. – акционерное общество «Советский турист»⁵. Но в 1930 г. ситуация изменилась, было решено создать единую организацию – Всесоюзное добровольное общество пролетарского туризма и экскурсий (ОПТЭ) под контролем ВЛКСМ.

8 марта 1930 г. СНК СССР принял постановление «О слиянии акционерного общества “Советский турист” с Обществом пролетарского туризма и о создании “Всесоюзного добровольного общества пролетарского туризма и экскурсий”». Правительство руководствовалось тем, что идейные установки «Совтура», согласно которым экскурсии и туристские путешествия должны были служить в первую очередь культурно-просветительным и рекреационным целям, не отвечали интересам руководства страны, идущей по пути установления тоталитарного режима⁶. Слияние двух организаций означало создание централизованного органа управления туристско-экскурсионным делом в СССР (формально общество строилось на принципах самоуправления и добровольного членства). Самой актуальной формой пролетарского туризма провозглашались самостоятельно организованные походы. Общество сосредоточилось на организации новой туристической практики, ставя перед собой задачу добиться массовости туристического движения.

В 1936 г. монопольный контроль за экскурсионной деятельностью (массовыми и дальними экскурсиями) переходит к ВЦСПС, в рамках которого создается Центральное туристско-экскурсионное управление ВЦСПС (ЦТЭУ). Оно должно было заменить ОПТЭ и стать ведущей советской организацией по развитию как экскурсионного дела, так и туризма и альпинизма. Общество пролетарского туризма и экскурсий было ликвидировано, а его руководство в центре и на местах – репрессировано.

Однако представления властей о возможностях тотальной трансформации общества оказались слишком амбициозными. Всеобщего интереса к туристическим практикам рабочие не проявляли, по крайней мере в тех случаях, когда им предлагалось принять в них участие за свой счет. Для того чтобы каждый мог по своему желанию организовать туристический досуг, требовались в

первую очередь нормальный заработок, бесперебойное снабжение товарами и наличие свободного времени. При отсутствии всех этих предпосылок пролетарский туризм своими силами никак не мог достичь желаемой «массовости». Государство не только само было ограничено в возможностях, но и не создавало благоприятных экономических условий для выполнения поставленных им самим задач.

Как модернистский проект власти, пролетарский туризм провалился, не оставив по себе в современном мире и следа. Однако многие принципы, на которых он зиждился, продолжали реализовываться и на дальнейших этапах развития советского туризма.

Пролетарский туризм – достаточно многогранное явление, которое включает в себя и простые походы выходного дня, и более сложные самостоятельные многодневные путешествия, плановые поездки по путевкам в санатории и на экскурсии и многое другое. В связи с этим пролетарское туристическое движение может исследоваться на основе огромного массива источников.

В архивах России и стран СНГ хранится огромный массив источников, так или иначе связанных со сферой туризма и отдыха. Данные источники еще только начинают изучаться. Для полной и ясной картины необходимо приступить к анализу архивных материалов отдельных регионов и на этой базе – к дальнейшему выявлению региональной специфики и общих тенденций в развитии пролетарского туризма в СССР.

Материалы по изучаемой тематике обширны, они в огромном количестве представлены в центральных архивах, но ранее почти не привлекали внимания исследователей. В местных архивах также хранится множество документов, остающихся невостребованными историками.

Работая над исследовательским проектом по истории «пролетарского туризма» в годы сталинизма в Пермском крае, пришлось столкнуться со многими трудностями. Дело в том, что сведения и материалы по туристическим практикам и организациям того времени разрознены по разным фондам, представлены с большими купюрами и крайне несистематично. В государственном архиве Пермского края мною были обнаружены и проанализированы документы из следующих фондов ГАПК: «Пермское губернское отделение Рабоче-Крестьянской инспекции Народного Комиссариата Рабоче-Крестьянской инспекции РСФСР», «Осинский уездный отдел здравоохранения Осинского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», «Пермский районный комитет профессионального союза рабочих металлистов “ВСРМ”», «Местный комитет при проектно-изыскательском бюро треста «Уралзападлес» Всесоюзного профессионального Союза работников леса и сплавов», «Пермский районный комитет Всесоюзного профессионального союза работников леса и сплава», «Пермский городской комитет профессионального Союза рабочих металлоизделий», «Пермский районный комитет Союза рабочих военно-металлической промышленности», «Фабрично-заводской комитет профессионального Союза рабочих бумажной промышленности при Левшинском заводе литой тары».

Анализ архивных материалов дает возможность окунуться в детали, узнать то, что на первый взгляд кажется несущественным, но при более пристальном рассмотрении становится ключевым в понимании тех или иных аспектов изучаемой проблематики. Так, к примеру, ни одно из опубликованных исследований по советскому туризму не углублялось в суть такого явления, как самостоятельные походы. При этом утверждалось, что число приверженцев этой формы туризма из рабочей среды постоянно росло и самостоятельный туризм становился массовым. Однако при анализе местных архивных источников ситуация предстает в совершенно ином виде. В эпоху сталинизма самостоятельно организованный туризм не был массовым явлением в пролетарской среде, т. к. требовал от рабочих не только огромных материальных затрат на покупку снаряжения, подходящей одежды, продуктов питания, но и предполагал наличие свободного времени для тренировок в выходные дни, чтения соответствующей литературы, подготовки к выступлениям на собраниях ячеек и т. п.

Каковы были источники финансирования пролетарских экскурсий? Основные средства выделял Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов (далее – ВЦСПС) рабочим клубам, созданным при завкомах⁷. Не менее 50% от этих средств должно было пойти на дальние экскурсии, организуемые Наркомпросом. Заявка шла через ЦК профсоюза. Остальные средства должны были уйти на экскурсии в пределах области. Приобретенные путевки на дальние экскурсии следовало затем распределить бесплатно среди рабочих и частично среди служащих (главным образом среди активных членов клуба).

В большинстве случаев рабочие отправлялись на дальние маршруты и производственные экскурсии не за свой счет. Зарплата наиболее экономически активных работников-металлистов (20–30 лет) в конце 1920-х гг. составляла приблизительно 40–80 руб. в месяц, что равнялось стоимости дальней экскурсии (к примеру в Крым или на Кавказ). Стоимость местной экскурсии, к примеру, по маршруту Пермь – Кунгур – Пермь на 5 дней в 1928 г. обходилась экскурсанту как минимум в 7 руб. 25 коп.⁸ А чтобы побывать в Нижнем Тагиле и посетить Уткинский завод (маршрут Пермь – Нижний Тагил – Уткинский завод) за 8–9 дней требовалось уже 17 руб. с человека⁹.

Стоимость поездки в Крым на 10 дней со скидкой в 50% на железнодорожные билеты (скидку получали экскурсионные группы в составе не менее 15 человек) в 1927 г. варьировалась от 59 до 67 руб. (38–46 руб. – стоимость самой экскурсии, 21 руб. – проезд с 50%-ной льготой). Поездка на Кавказ на 13 дней стоила 90–98 руб. (54–62 руб. сама экскурсия, 36 руб. – проезд). Стоимость путевки на лечение в течение месяца в Крыму составляла 132–150 руб., на Кавказе – 175–185 руб. без транспортных расходов (в довоенное время, как правило, проезд отдыхающего до санатория оплачивался профсоюзом, а обратный путь домой – самим санаторием)¹⁰. Таким образом, цена, уплаченная за дальнюю экскурсию, была высокой и мало доступной для рабочих.

Перспективным представляется изучение влияния туризма на местное население. Как известно, пролетарский турист должен был быть связующим звеном между властью и народными массами, выполнять цивилизаторскую миссию, возложенную на него государством. Интересно было бы проанализировать то, как взаимодействие жителей отдаленных районов с участниками туристического движения происходило в действительности и каковы были результаты этого диалога.

Как видим, направлений для дальнейшего анализа много. Любое из них позволяет взглянуть на сущность сталинского режима сквозь новую призму – призму туристических практик, раскрыть механизмы, которые власть использовала для воплощения своих планов, и оценить степень их реализации на практике.

Публикуемые ниже документы отражают организационную и программную специфику Общества ОПТЭ и «пролетарского туризма», точнее, одного из видов самостоятельного (в дальнейшем спортивного) туризма: лыжных путешествий.

Примечания

¹ Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма // «Нева». 2000. С. 241.

² Инструкция для руководителей производственных экскурсий // ГАПК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 958. Л. 7 об.

³ Для соотнесения объектов экскурсии с современными постройками см.: Спешилова Е. А. Старая Пермь: Дома. Улицы. Люди. 1723–1917. Пермь, 2003.

⁴ Экскурсии по истории города Перми // ГАПК. Ф. Р-1802. Оп. 1. Д. 33. Л. 21–25.

⁵ Усыскин Г. История туризма в России [электронный ресурс]. URL: <http://www.turpohod.ru/kafedra/kafedraQ1.htm>

⁶ Попов А. Д. Крымское направление в деятельности общества «Советский турист» (1928–1930 гг.) [электронный ресурс]. URL: http://www.nbuv.gov.ua/Articles/Kultnar/knp43/knp43_194-197.pdf (проверено 27.02.2010)

⁷ Выписка из протокола № 33 заседания Президиума Пермского райкома ВСРМ от 31 марта 1928 г. // ГАПК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 960. Л. 19.

⁸ Маршруты, рекомендуемые Окружным Бюро Туризма // ГАПК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 960. Л. 67.

⁹ Там же. Л. 68.

¹⁰ Брошюра «Маршруты экскурсий» // ГАПК. Ф. Р-58. Оп. 1. Д. 957. Л. 32–33.

Дата поступления рукописи в редакцию: 11.03.2010